

БОРИС ВАНТАЛОВ

(р. 1947)

② х х х

Снял очки. Мир так занятен,
непонятен и красив,
состоит из разных пятен,
в разной степени живых!
Вот пятно блуждает папа
и роняет звуки слов.
Вот пятно плывет анапа,
вот летит пятно тамбов.
Кошка книгой пробежала,
книга кошкой прилегла.
Без конца и без начала
ярких пятен чехарда.
Этот мир калейдоскопа
объяснить никак нельзя.
Вот плывет пятно европа,
вот летит пятно земля.

← 1976 /

③ х х х

Неизреченная есть в слове благодать,
она несет способность воскрешенья,
она душе поможет отыскать
в пустыне памяти цветущие растенья.
И перебрав бывшего лепестки,
вновь пережив минувшего мгновенья,
алхимик получает из тоски
опийный мак стихотворенья.

④ ← 1976 /

х х х

Как утончилась жизни нить,
как поредело вдруг пространство,
и время перестало быть:
смерть обретает постоянство.

Координаты " где - когда "
Свое утратили значенье...

Душа - бамбук. Она пуста
и безмятежна как растение.

/← 1976 /

~~Л Е В В А С И Л Ь Е В~~
(р. 1945)

х х х

2
Наверно, каверны и спайки
от щедрого ветра в груди.
Но рано еще мне фудайку
и койку и общую пайку
и брать на учет погоди.

В огне площадного румянца
мы празднуем с листьями танцы,
с камнями ведем хоровод -
испанцы и венецианцы
гиперборейских широт.

Мы чествуем плавленый воздух
и пестуем черствый кирпич.
О мальчик, на пире подзвездном
ты нашу смертельную дозу,
не бойся, втройне увеличь!

И хватит ли ветра на долю,
на волю, на выкрик, на дых -
так тянет и ранит и колет
расхристанность Марсова поля,
шарманка огней площадных.

Как скатка уложена кладка,
в морщинах суконная гладь.
Да разве, мой город, не сладко
гранитную каждую складку
шнители твоей целовать.

Сапожник, художник и дёрник,
онколог, смотритель уборных,
сантехник и медиевист,
заборный писака, затворник
и мастер по части убийств,

актриса, салопница, прачка,
студент и морской офицер
корежатся в страсти безбрачной,
таращат глаза свои рацьи
в оптический неба прицел -

ан, сей окуляр запотел.

А ветер-то, ветер шаманит,
румяного гуще румянит.
И пьяного пуше пьянит.
Подраненных до смерти ранит.
Казненных еще раз казнит.

И ты, восстающий из пепла,
бессмертною птицей летишь.
Из воздуха наглухо слеплен,
чухонскою глиною сцеплен,
еще и еще раз горिшь.

1-1969 1

3
x x x

Ночью, страшной, как могила,
ночью, белой как стена,
баба криком голосила
с боли, с куражу, с вина.

В ту же ночь, в минуту ту же
в окружении кутил
некоего смертный ужас
человека охватил.

Заглушая ахи, стоны,
стариковские каноны,

голошенье патефона -
падал с неба, падал вниз
словно - снег - не по сезону
плач, рыданье, вопль, визг.

Гость со стула поднимался,
гость за край стола держался,
он не видел ничего,
воротник душил его.
И, неумолим, качался
маятник над головой.

Однозвучный, тошный, хриплый,
темный рыд - таким вопят
по душе, сходящей в ад.

Вихрем в комнате портьеры,
настежь двери на балкон -
в околоток - желто-серый -
бледный, вглядывался он.

← 1975 →

Е В Г Е Н И Й В Е Н З Е Л Ь
(р. 1947)

О БРАГЕ

Мне нравится выцветший глаз
худого рабочего парня
он тесто мешает в пекарне
и брагою радует нас

он моет стальную канистру
там сахар и дрожжи кладет
(в тепле ковыряется быстро
бактерий гнилой хоровод)

и жидкость насупившись бродит
и ползает жирным ужом
и бражные боги заходят
в доской заколоченный дом

и всякому пьянице крылья
прилаживают к спине
стаканы с налипшею пылью
на радостном моют огне

а пьяницы с черной отвагой
крыло в нетерпении мнут
и мысли их мутною брагой
вдоль черепа внятно текут

и вот потолок орошая
несется она из нутра
хорошая брага большая -
на каждого четверть ведра

и нет ни скорбей ни иканий
ни в жаберных щелях тоски
и скоро зеленых созданий
ухмылки ужимки прыжки

но плачут надменные черти
и дуют в гнусавый рожок
на скатерти плачут до смерти
надменные черти с вершок

свершается черное братство
корой зарастает кора
и выросший патер над паствой
кефирное темя утра

Август
1970

х х х

Я ношу свою кепочку набор.
Я съедаю на завтрак лимон.
Обожаю я толстых прорабок
в хриплом мареве их панталон!
Бледным миром дышу и вздыхаю,
чаровница, его аромат!
И бестрепетно я отвечаю,
скушный, как о марксизме доклад.
Но куда, но в какую халупу,
чаровница, тебя приведу
из столовой? Там требуют супу!
Там безрадостно, словно в аду!
С этой улицы, темной и дерзкой?
Чаровница! В зеленом шарфе!
Из дружины какой пионерской?
Из какого влухого кафе?
Может быть, истанцеванной зальцы
полупьяный мне воздух глотнуть?
Чаровница! Замерзшие пальцы!
Каждый пальчик нам нужно обдуть,
обогреть! Ты искусница! Детка!
Чаровница! Изменница! Мать!
Погоди, только звякнет каретка,
станем пальцы твои целовать!
Каждый день обветшалые мозги
расступаются. Детка, шагай!
Чаровница! Ты в детской матроске!
А себе я твержу: умирай...

Январь, 1971 /

х х х

и вот под веткою омелы
мы видим грубую чету
идут аресты и расстрелы
дрожат челюскинцы на льду

вопят шагая пионеры
летит по Невскому вагон
и над Невой фейерверки
бичуют нежный небосклон

сто посетителей у Норда
жуют эклеры и буше
и с кораблей речного порта
несется песня о душе

астматик позабыв про астму
сел с папиросой у окна
покуда пишет песни Цфасман
грядет священная война

и утомленное солнце
и отрицание любви
пока еще побьют японца
и немца вымоют в крови.

Ноябрь
№ 1971 //

х х х

в час когда юные жены сбегаются к шумному рынку
трудолюбивым мужьям свежего мяса купить

в люльке высоко поет маляр в пестрогрязной одежде
с кистью тяжелой в руке и с папиросой в зубах

свежий в июльской жаре идет беззубый квартальный
робко глядит наркоман на предержавшего власть

пьяный под вывеской "ТИР" с закрытыми плачет глазами
а человек из авто долго глядит на него

можно увидеть меня быстро идущим проспектом
рот мой брезгливо надут в глазах социальная грусть -

я направляюсь в кафе похмельным синдромом объятый
стоя как лошадь в углу кафе с приятелем пить.

~~1973~~ ≠

х х х →

в этом городе жутком стозубом
когда ветер листья ворошит
громко прячется плачет по трубам
некто бледный и жестью шуршит
истерически города прячься
в темных трубах он только живет
и стозубое племя иначесть
не допустит он в свой обиход
тяжко воют и лают окрести
никогда им всю грязь не соскресть
но забывшись в застынувшей жести
он уже не ответит: я здесь

1968, август 1974

~~05.1968, 01.1972, 08.1974~~ ≠

х х х →

не помню в сонме юных дней
ни лиц ни говора ни песен
и прежний выводок теней
теперь уж мне не интересен

на школьной полке киснет купорос
учитель курит прыскает девица
ты хочешь знать сбылось иль не сбылось?
сбылось! да так что лучше бы не сбыться...

Август

~~1974~~ ≠

х х х →

I →

юная дева бранит рифмы мои не со злобы
 все же какой там ни есть разум природой ей дан
 в ересь впадает она по старой детской привычке
 с куклой весь день проведя к ночи забросить ее
 как вот и разум ее пока его можно лелеять
 в плотную шаль завернув нежно лепеча слова
 радуется детски ее к ночи же - времени мужа
 тысячи страшных глаголов юную деву теснят.

не печатаю

21

х х х

юные девы и мы громкогласные мужи
 в разный возраст вступив ищем почти одного
 юная дева всплыв ищет в мужчине опору
 зрелый же муж отплыл ищет покоя и нег

юная дева спешит использовать юные годы
 чтобы под старость потом было чего вспоминать
 зрелый же муж не таков подобен иссушенной смокке
 знал он и холод и жар их оценивши вполне
 холод противен ему жар вызывает лишь жажду
 жажду его утолить Нилу удастся едва ль
 вот почему предпочтет деве он винную бочку
 чтобы в нее погрузясь жажды и жара не знать...

Декабрь
/ КЗ, 1974 /

х х х

гардемарина звенящий палаш
 желт Петербург как обвевшийся хины
 ты забираешься в мертвый пейзаж
 но не дойдешь до его середины
 губы лепечут и руки дрожат
 к сердцу подкрался холод куртины
 жаль что для юности прелесть таят

даже плохие картины
этот заезженный гаерский лоб
эти ужимки печальной Мальвины
с месяц бы понял этот захлеб
эти большие смотрины
так что дружок поостуди
пыл сухопутной Ундины
не уживешься мой ангел среди
лилий лягушек и тины

~~1975~~ /

х х х

не начинать

твоя любовь моя обуза
и я устал махать крылом
всегда один на тяжесть груза
непобедимого вдвоем
не гладкий я шероховатый
работник я а не лентяй
и уши сумасшествия ватой
я для тебя заткнул мой край
я слышу темное биенье
шорох сердца моего
пожилого вдохновенья
изнурительное торжество
застынет жареный картофель
и злая женщина уйдет
хоть мой последовательный профиль
ротондой сильно отдаст

^{наде}
~~1969, 1976~~ /

х х х

просыпайся ты слишком глубоко уснул
а проснулся - почти оплешивел
кто-то снес на толкучку прадедовский стул

а любимую к площади вывел
брюки жгут ожиревшие в лежке бока
восемь трещин на высохшем мыле
руку к пачке но там уже нет табака
к телефону - его отключили
ты на улицу всеми дверями гремя
к людям кои у стеночки встали
спросишь их: а вы здесь не видали меня?
и ответят они: не видали...

Май

1 ~~02~~ 1977 Л

х х х

как я пифийствовал... отныне
я не пифийствую... давно
стал прозрачен как водка в графине
чтоб всякий бездельник ~~разглядывал~~ ^{рассматривал} дно

я был далек а стал я - Коломаги
я плешь поставил на постой
и на простецкой вывожу бумаге
простецкое простецкою рукой.

июня

← 26 и 29 ~~02~~ 1977 Л

х х х →

гречанка пуглива но умное виски
ее одолеет - проворнее киски
что мышку преследует - станет она
нежнее ладони белей полотна...
... но утром лишь утром мы выйдем отсюда
невывытой в кухне осталась посуда
на подоконнике - пустая бутылка
голодный - пейзаж я оглядывал пылко
молчала гречанка и грела ладони
чернея как трубка на телефоне...

Анварь
← ~~02~~ 1974, ~~02~~ 1977 Л

не
шочу маму

х х х →

Летний сад был закрыт на просушку
одолев драгоценный барьер
я безрадостно выпил косушку
закурил погодив "беломор"

и к чугунному камню с поэтом
отдыхаться я сел на скамью...
мою юность с погашенным светом
я с тяжелой душой узнаю!

декабрь
* 1974, ~~1977~~ /

ДЕМИСЕЗОННОЕ ТАНГО

О, эти встречи... Эти речи! Эти плечи...
Вечерний гам, весенний гул, веселый сон!
Ужасен грим, сигарный - дым... Чудесный - вечер!
Крапلاчный свет, дым - сигарет... Вина, гарсон!..
Вспотевший бар. В душе - угар.. Порядок - злачный!
Кудрявый - хор, в дверях - затор и пьян - швейцар!
Рябье - лбы. Ситро. Грибы. Порок бивачный.
Соседний - бас. Запас - колбас. Загар - из Гагр!
Опять. О Господи!.. запой... Летит гобой. В тарелках - лечо.
Ну что ж, прощай, дружок! Исполнен - срок. Я - уязвим!
О, эти плечи! Эти - речи! О, эти встречи...
Арривидерчи. Пока. До - Керчи. И - позвоним...
В тарелке - счет. Наперечет - деньга в кармане...
Ах, деньги - есть?! Какая честь! Я удивлен...
Ах, все романы - дерут карманы, но ведь - в романах -
Вечерний гул, весенний гам и - легкий - сон...

/ 02.1979 /

ШЕСТЬ СТРОФ ПО УХОДУ

И я приду к тебе - зачем? - еще не знаю,
из комнаты чужой за голосом певца...
и в лучшей девочке навек - тоска моя хмельная
(ступени заскрипевшего крыльца?)

Устроюсь на юру, кривясь от неудобства,
я так уже устал от всяких бурных дур!
от мудозвонства, жен, приятелей, холопства -
и залетел - в смертельную лазурь...

...↑ Как за деревьями, за ними было скрыто,
но глаз мой плотницкий измерил глубину -
открылось дно - бездонное корыто,
теперь вместившее тебя одну.

И знаешь что скажу? Теперь бы было впору
лишь чистый воздух полудня курить!
С тобой - брести, коров - по козогору,
и, чистя клев, о Гете говорить...

Грядущего орех перекаленный
не по зубам сегодняшнего дня.
Что отроки? их жар еще зеленый?
да кто же здесь не влюбится в меня?

Но кто поставил точку - промахнулся!
Летит рыцван, ползет кабриолет...
И я пришел туда, откуда я вернулся -
там спал я смертным сном почти что тридцать лет...

Ноябрь март
/ 1976, 1979 /

В Н Е
/ р. 1947 /
ОСЕННЕЕ

Не печатать

И поутру проходят лоси
И поутру роняет осень

И поутру кричат грачи
И спят охотники в ночи

И поутру горят костры
В окне забывшейся сестры
В душе забывшийся мирок
Раздула осень поперек

И поутру звенят ручки
И пробиваются нищьи
Грибы ссутулив плечи
Под градом лесной картечи

/ II.1967 /

х х х

← Не читать!

водка бульк
консервы тресь !
трамвай бряк
метро бух
в автобусе все форточки
закрыты

страшно жить без карманных
денег

/ 05.1980 /

Ю Л И Я В О З Н Е С Е Н С К А Я

(р.1940)

х х х →

①

Накажи меня строго, Господи! - Без расплаты нельзя
научиться читать в облаках пустоту и истому.
Небо - только дорога, по которой уходят друзья,
Небо - только дорога, по которой уходят из дому.